

Глава 1. Образы лагеря

Структура лагерей ГУПВИ была идентичной гулаговской: лаг (лагерь) — собственно лагерный комплекс, в который входили «отделения», в свою очередь состоявшие из лагпунктов.

Лагеря ГУПВИ обычно располагались рядом с железной дорогой или, если дороги не было в непроходимых лесах или тайге, то, как правило, сами военнопленные и начинали ее строить. Лагерные власти обещали многим японцам, что они вернутся домой, когда закончат строительство железной дороги. Многие сотни километров Байкало-Амурской магистрали (БАМа) были уложены именно ими. В пяти лагерях БАМа трудились 115 924 военнопленных [Военнопленные: 495]. Квантунская армия в свое время развивала японскую экспансию в Маньчжурии под вывеской «защиты» технического персонала строившейся сети железных дорог — «щупальцами, с помощью которых шел захват территории» [Мещеряков 2009: 189]. После поражения в войне многим бывшим квантунцам по иронии судьбы пришлось строить железнодорожные пути своими руками, но в этот раз дороги были щупальцами советской власти для освоения своих, еще недостаточно обжитых территорий.

Кроме собственно лагерей военнопленные могли находиться в учреждениях лагерного типа, которые отличались не по существу, а на бумаге: рабочие батальоны (РБ) и спецгоспитали, или имели иное бюрократическое подчинение: ОРБ МО, ИТЛ, ИТК, политизоляторы и тюрьмы Гулага и МГБ [Карнер: 87].

В обзоре деятельности УПВИ-ГУПВИ НКВД-МВД СССР по организации трудового использования военнопленных за 1941–1945 гг. отмечено, что в общем комплексе работы с военнопленными такой вопрос, как обязательное привлечение к труду, не является главным. Главным и решающим в работе с военнопленными в этот период была оперативная, политическая и антифашистская работа [цит. по: Венгерские: 8]. Так говорит документ, однако советские документы часто умалчивали о главных вещах, как бы заботясь о будущем суде истории. Весь корпус воспоминаний пленных доказывает, что главным в их пребывании в СССР была работа в народном хозяйстве, а уже потом — индоктринация.

На 1 января 1946 г. японские военнопленные содержались в 49 специальных лагерях. Позже, на 1 марта 1947 г., после того, как в первый год погибли самые слабые, и после первых репатриаций количество военнопленных сократилось, и пленные размещались в 37 лагерях [Военнопленные: 1038].

1. Чужбина — зима, холод, солнце

Вспоминая годы, проведенные в СССР, бывшие пленники сразу обращались к климатическим особенностям России, к холодной зиме. Для большинства солдат сибирский климат был жестоким природным контекстом заключения, таким же непривычным и беспощадным, как и лагерные порядки. Как писал о советских лагерях В. Шаламов, главное средство растления души — холод, в среднеазиатских лагерях, наверное, люди держались дольше — там было теплее [shalamov.ru / library/29/].

В северной части огромного материка Евразии расположился лагерь военнопленных японцев. Морозы за 30°C здесь совсем не редкость [Киути: сайт] (рис. 2).

Чтобы не погибнуть, каждому военнопленному надо было самому заботиться о себе, ориентируясь в предлагаемых обстоятельствах, оценивать угрозу переохлаждения и думать, как согреться.

После того как мы закончили с сеном, нам довелось узнать, как звучит сибирский ледящий ветер и снежный шторм. В палатке тяжелое дыхание людей делало все вокруг белым. Температура оставалась ниже -60°C . Еды не хватало. Мы были одеты в тонкую летнюю форму с легкими куртками. <...> Мы были беспомощны. Я шевелил мозгами. Не было сена утеплиться. Если заснем, то можем замерзнуть. Был один выход — не спать, а дремать. Конец декабря 1945 г. [Ёсида: 98].

Кроме того, что было опасно засыпать в палатке при низкой температуре, чтобы не заснуть вечным сном, было исключительно трудно работать при сильных морозах, недостаточном питании и в недостаточно теплой одежде. Рваная одежда и долгое нахождение на холоде грозили отморожением, в первую очередь, открытых частей тела, а «отморожения — это ведь мученье навек, если даже не прибегать к ампутациям» [Шаламов: 79]. Так как массовые отморожения грозили невыполнением плана, за который отвечало руководство лагеря, в особо холодные дни работы на открытом воздухе могли быть отменены в соответствии с графиком активированной погоды. Многое зависело от того, насколько жестоким было лагерное начальство.

График активированной погоды — кривая, вычерченная между осью минусовых температур воздуха и осью скоростей ветра 9 м/сек, позволяющая определить метеорологические условия, при которых следует прекратить наружные работы. До 1936 г. погоду активировали при -36°C при безветрии, в зависимости от силы ветра наружные работы прекращались и при меньшем морозе. При силе ветра 25 м/сек они прекращались независимо от температуры. Но в 1936 г. секретная инструкция ГУЛАГа снизила границу активированной погоды до -40°C . На Колыме местное начальство снизило ее до -55°C . Наружные термометры были скрыты от заключенных. Активировка погоды не касалась погрузочно-разгрузочных, аварийных и некоторых других видов работ [Росси: 88].

Конечно, у заключенных и пленных термометров не было. Но старожилы почти точно определяли температуру без градусника: если стоит морозный туман, значит на улице -40°C , если воздух при дыхании выходит с шумом, но дышать еще не трудно — значит -45°C ; если дыхание шумно и заметна одышка -50°C , ниже -55°C плевки замерзает на лету [Шаламов: 13].

В таких промозглых условиях тепло казалось самым дорогим, самым ценным и было сравнимо с материнским теплом, а слезы, как на рисунке Киути, превращались в сосульки.

На морозе в лесу, где снег доходит до пояса, мы занимаемся самой тяжелой работой, одетые в ватники. Во время перерыва тепло костра кажется крохотным раем и напоминает тепло матери, с которой неизвестно когда увидишься [Хисанага: 62].

Нобуо Киути, всегда мужественно описывающий тяготы плена, так скупно описывал перенесенный опыт (рис. 3).

В Восточной Европе температура зимой достигает и -25° – 30°C , но для нас, выросших в Японии, жизнь в полевых условиях (в палаточном лагере) не прошла даром. Бывало и такое, когда с наступлением утра мы находили трупы друзей, окочевших от холода. Война уже закончилась, и умереть здесь... так глупо... И сколько мы ни звали назад, никто к нам уже не возвращался [Киути: сайт].

Попробуйте представить работу на лесоповале при 20 – 30 -градусном морозе. При одном воспоминании об этом волосы встают дыбом. Холод ощущаешь всем телом, как нестерпимую боль, — вспоминал Таро Мураи [Молодой дальневосточник 04.04.91 — цит. по: Кузьмина].

Снежные пространства Сибири отразились и на полотне Сина Миязаки «Крайний север» (рис.4).

Мы видим четыре, а может пять фигур, присыпанных снегом. Они неподвижны. Не совсем ясно, живы эти люди, которые лежат вплотную друг к другу, чтобы было теплее, или это трупы, лежащие рядом, как в братской могиле. Фигуры только обозначены, лица не прописаны. Так холодно и снежно, что, кажется, и пальцы художника замерзли и не могут держать кисть. Картина названа «Крайний север», хотя пленные размещались гораздо южнее. Возможно, здесь обозначен

край человеческих возможностей — тяжелого труда и унижительной жизни при сильных морозах.

Как пел Ицуруо Такеяма в песне «На чужбине, на холме» (Икокуно ока), записанной в 1948 г. на слова недавно репатриированного Коудзи Масуда:

холода и морозы, должно быть, вошли даже в твой сон,
Пасмурное снежное небо, а солнца почти не видно.

Уже после первой зимы 1945–1946 гг. советскому руководству стало ясно, что «в закрытых помещениях на производстве японцы хорошо работают, в большинстве перевыполняя планы нормы выработки. На открытых же работах, где в основном заняты военнопленные японцы (лесозаготовки, строительные работы), нормы выполняются, как правило, не выше 50–60%. Такое положение объясняется, главным образом, неприспособленностью японцев к суровым климатическим условиям Дальнего Востока и Сибири. Японцы, работающие в мягком климате Узбекской ССР, работают вполне удовлетворительно и на открытом воздухе», — отмечается в докладе И.В. Сталину, В.М. Молотову и Л.П. Берии 26 февраля 1946 г. [Военнопленные: 240].

Природа на Севере казалась враждебной не только пленным иностранцам. Она была враждебна всем заключенным ГУЛАГа, при этом, по словам В. Шаламова, не безразлична, не равнодушна — она в сговоре с теми, кто послал нас сюда [Шаламов: 58]. Например, «в тайге кругом был налитый испарениями болот разреженный воздух тайги <...>. Летом он был слишком тяжел для сердечников, зимой невыносим. В большие морозы люди прерывисто дышали. Никто здесь не бегал бегом, разве только самые молодые, и то не бегом, а как-то вприпрыжку» [Шаламов: 77].

Привыкшие к теплу японцы долгой суровой зимой воспринимали солнце как приметку свободного человеческого мира.

Страна, где нет солнца. Это странно. Карта «Хэ» (2) Уэцухары похожа на политическую карикатуру: какой-то исполинский советский военный, видимо аллегорический Сталин, пытается закрыть черным покрывалом, напоминающим кавказскую бурку, само солнце (рис. 5). Рядом стоит японский пленник и отдает честь. Размерами он существенно меньше и стоит ниже, так что его голова чуть выше колена советского офицера. Одежда в вертикальную полоску напоминает нам одежду заключенного нацистского концлагеря. Солнце, хотя и частично прикрытое, спрятать невозможно. Его лучи не остановить. Солнце становится символом свободы. Образ солнца как образ вольной жизни показан и на карте «На»: *Не плачь, не горюй, все-таки наступает весна* [Уэцухара «На» (2)].

Если в мирное время в традиционной поэзии Японии воспевалась луна, то в тоталитарной поэзии воспевалось солнце. То самое яркое красное солнце, которое

изображено на японском флаге [Мещеряков 2012: 399], стало и символом Японии военного времени, к которому пленные обращались за поддержкой, мысленно общаясь с ним.

В декабре в 6 утра еще темно. Мы вышли из лагеря и поднимались на гору. На сибирском небе поднималось большое красное солнце. Солнце, береги нас и сегодня [Ватанабэ: 198].

Через 10 часов я могу *домой*.⁶ Красное солнце поздравляет меня [Ватанабэ: 348].

В антивоенном настроении, осуждающем не только плен, но и военные действия японской армии, и милитаристские настроения всего японского общества, Казуки воображает солнце, провожающее солдат на фронт, черным.

Нам пришлось отправиться в Маньчжурию из порта Шимоносеки... Я сообщил моей семье, и родные приехали попрощаться... Никто не провожал с флажками. Я представил, что машут флажками с черным солнцем [Казуки: 12].

2. ЛАГЕРЬ, ОГРАДА, ВЫШКА

В СССР японские военнопленные в большинстве случаев были размещены в соответствии с общей перспективой освоения территорий Сибири. Заключение и пленники сами строили себе бараки, вышки, ограды и сами устраивали кладбища.

Как описывал свой лагерь лейтенант Мамия,⁷ он делился на три зоны. В первой, самой большой, содержались пленные японцы, во второй — другие заключенные и пленные из других стран. В третьем секторе жили те, кто находился на свободе, — шахтеры, специалисты, офицеры охраны и надсмотрщики с семьями и другие русские. Недалеко от железнодорожной станции стояла большая воинская часть. Пленным и заключенным запрещалось покидать отведенные им зоны. Сектора лагеря разделяла прочная ограда из колючей проволоки, которую патрулировали солдаты с автоматами. Лагерь № 28, к примеру, опоясывали три ряда проволоки, в каждом углу стояла вышка с часовым, один часовой стоял у ворот лагеря. Часовые на вышке у ворот дежурили круглосуточно, они часто менялись [Като: 67]. К. Като так и назвал лагерь — многослойная клетка.

Сектора лагеря разделяла прочная ограда из колючей проволоки, которую патрулировали солдаты с автоматами. Лагерь № 28, к примеру, опоясывали три ряда проволоки, в каждом углу стояла вышка с часовым, один часовой стоял у ворот лагеря. Часовые на вышке у ворот дежурили круглосуточно, они часто менялись [Като: 67]. К. Като так и назвал лагерь — многослойная клетка.

Внутри крепкого высокого деревянного забора стоит ограда из двойной колючей проволоки. В каждом его углу стоят вышки, где круглые сутки сторожат солдаты с

6 *Домой* или *дамой* — словечко в лагерном языке японских военнопленных, синоним репатриации.

7 Хотя Х. Мураками явно использовал сведения, полученные от бывших военнопленных в СССР, все же нельзя забывать, что Мамия — это литературный персонаж.

ружьями. Как-то пленники подошли ночью к забору за снегом, но были застрелены [Саго: сайт] (рис. 6).

Если кто-то подойдет к забору или даже сделает вид, что приближается, в него сразу же стреляют. Поэтому заключенные находятся в многослойной клетке [Като: 56].

Колючая проволока стала символом неволи, как таковая она представлена на главной странице сайта Н. Киути «Записки японского военнопленного». То, что лагерь немислим без колючей проволоки, мы видим по самому первому документу, в котором обсуждались основные вопросы организации интернирования и лагерей,

— Постановлению ГКО № 9898 под грифом «совершенно секретно» от 23 августа 1945 г. «О приеме, размещении и трудовом использовании военнопленных японской армии». В этом документе указаны и «800 тонн колючей проволоки» для лагерей НКВД военнопленных японцев на Дальнем Востоке [Катасонова: 38].

Обычно в плане лагерь представлял собой прямоугольник, по углам которого стояли вышки с охранниками. По периметру лагерь был обнесен колючей проволокой и забором, на который сверху была натянута колючая проволока, в некоторых лагерях под электрическим напряжением. Для тех, у кого не оставалось сил и желания жить, колючая проволока становилась средством свести счеты с жизнью.

Лагерь в снегу. Колючая проволока в два слоя и 5 метров в высоту. В углу вышка, где без перерыва круглые сутки наблюдают солдаты с ружьями. Мой друг шел за снегом, приблизился к забору и погиб: в него выстрелил охранник [Ооути: 10].

Этому же сюжету посвящены и рисунок Ё. Уэцухары на карте «Ва» (1) (рис. 7) и картина Ц. Хисанаги (рис. 8).

На рисунках разных авторов мы видим различные типы ограды — это может быть высокий частокол, колючая проволока или их сочетание. В некоторых сюжетах, как, например, на картине К. Саго «Те, кто выжил», забор не очень высокий, нет колючей проволоки и сторожевых вышек, они не нужны — их заменяют бескрайние снежные просторы чужбины. Может быть, речь в данном случае идет о ситуации в лагере 1949 г., когда наступили некоторые послабления режима перед ожидаемой репатриацией.

Войти в лагерь и выйти из лагеря можно было только через ворота, над которыми обычно висел идеологический лозунг. Над воротами лагеря, в котором размещался штрафной батальон, было написано: «Где Сталин — там победа!» [Такасуги Ч. 2: 118]. Ворота лагеря довольно широкие, двустворчатые. Ворота, значимое место в любой культуре, в тотальном институте создают условия изоляции и возможность контроля заключенных внутри на фиксированной территории.

Ворота открывали для заключенных, выстроенных в колонну по пять человек, утром, когда они выходили на работы, и вечером, когда возвращались после работы в сопровождении конвоя или же если надо было пропустить машину. Небольшими группами или по-одному проходили через вахту, где дежурный отмечал всех входящих и выходящих в журнале учета. Пройти вахту по возвращении означало попасть на территорию лагеря.

Лагерь независимо от размеров имели примерно одинаковую структуру. Прежде всего, это жилые бараки, столовая, хлебозерка и пекарня, баня, прачечная, сапожная и портняжная мастерские, а также так называемая больничка — медицинский стационар для больных и санитарная часть, где принимали, лечили и жили пленные врачи и санитары. Это не настоящая больница, это ее симулякр, поэтому в ГУЛАГе ее называли так, с уменьшительно-ласкательным суффиксом *-чка*, а не больницей, как она называется только в официальных документах. Уменьшительно, потому что функции больницы в ней существенно сокращены, ласкательно, потому что в ней можно было день-два отдохнуть, если повезет.

Где-то находился карцер или изолятор для наказанных. Если в лагере работали женщины, то их барак также был огражден колючей проволокой. Тут же за оградой обычно находился продовольственный склад и иногда был ларек. В каждом лагере были красный уголок, где проходили заседания актива, библиотека, а также клуб с культурно-воспитательной частью. В отдельном бараке проживал административно-технический персонал. В центре лагеря находился штаб или контора — здание, в котором размещались администрация лагеря с кабинетом начальника, а также бухгалтерия.

Сталинский лозунг «Труд в СССР — дело славы, дело чести, доблести и героизма», цинизм которой был отмечен В. Шаламовым и А. Солженицыным, присутствовал и в лагерях ГУПВИ, например, в лагере № 1 [Ф. 4/п. Оп. 30я. Д. 12. Л. 16. Ф. 55]. Казалось бы, в лагерях принудительного труда для военнопленных этот лозунг был неуместен. Однако, как мы увидим ниже, японские пленные действительно относились к своему труду как к делу чести.

Где-то в центре как огромный примитивный будильник должен был стоять столб, на котором висел обломок рельса, с удара по которому начиналось лагерное утро. Летом в 5 утра, зимой немного позднее. В каждом лагере работали мастерские, которые обеспечивали бытовые услуги для пленных. Об этом можно прочитать в альбоме благодарности.

Значительная часть военнопленных занята на работах в портновских, сапожных и других мастерских лагерных городков, ремонтирующих и изготавливающих обмундирование, обувь и предметы хозяйского назначения, необходимые для поддержания в хорошем состоянии внешнего вида военнопленных и улучшения их быта.

Военнопленные, которые по своему физическому состоянию не могут быть использованы на наружных работах, заняты в специально организованных в лагерных городках мастерских ширпотреба [Ф. 4/п. Оп. 30я. Д. 12. Л. 25].

В некоторой степени любой лагерь имел прототипом кремль как базовую модель военного поселения, как огороженное пространство с башнями, внутри которого находится одинаковый комплекс жилых, служебных и административных зданий.

Перед нами поднадзорный рис. 9 «Прошлое и настоящее лагерной жизни» [Ф. 4/п. Оп. 30я. Д.19. Л. 102]. Если читать изображение как единый текст, то мы видим в правом нижнем углу грязный барак, в котором мусор валяется на полу, голое окно заставлено пустыми консервными банками. Низкие нары, на которые лежащий внизу не может даже сесть, всюду беспорядок, один котелок стоит на нарах, другой валяется у окна. Через все пространство протянуты веревки, на которых сушится стиральная одежда. Да и сам пленник весь грязный, давно не умывался, не расчесывался и не брился. Потому он и сидит в унылой позе. Этот барак остался в прошлом.

Тот же барак изображен в правом верхнем углу. Его трудно узнать, так он изменился и уже совсем не похож на лагерный барак. Чисто вымытое окно с белыми занавесками. Низкие нары стали высокими и теперь похожи на двухъярусную кровать. Теперь, чтобы взобраться на второй ярус, к ним пристроена крепкая лестница. Нары второго яруса по наружному краю разрисованы розочками, орнаментом украшена стена над окном. Слева на специальной полочке стоят цветы в горшках. Апофеозом барачного «уюта» являются люстра и комод, видимо, изготовленные руками пленных.

В левом нижнем углу изображен лагерь, каким он был в прошлом. Двое военнопленных, неряшливо одетые, не следящие за собой — нечесанные волосы и небри-

тые щеки, сидят на земле, прислонившись к камню, на ногах шлепанцы. Вдалеке глухой трехметровый забор, достигающий окон второго этажа караульной вышки.

Как же все изменилось на верхнем рисунке, отображающем настоящее время! Главная примета — это смягчение режима. Вместо высокого забора — редкий штакетник. Высокие и широкие ворота, на которых в качестве декоративных элементов выступают идеологические символы. Перегруженность символикой выдает иностранных исполнителей: две красные звезды, три красных знамени, серп и молот. В отличие от отечественных мастеров, которые знали меру в идеологическом оформлении (серп и молот — это не цветочки!), иностранные строители не встречались с подобным. И наконец, сами пленники выглядят иначе — подтянутые, чистые, в полной амуниции. Хотя рисунок назван «Прошлое и Настоящее», скорее он отражает Реальное и Желаемое.

Зато настоящий лагерь мы видим на карте «Су» (2), на которой Ё. Уэцухара переформулировал и проиллюстрировал старую поговорку: где живешь, там твоя столица. Лагерь собирает разных людей, как и столица, и заключенные лагеря считают его столицей. Здесь изображены четверо заключенных: преступник, ученый, священник, художник. В центре — рука убийцы с татуировками, выдающими в нем члена якудзы — организованной преступной группировки. Эта рука грозит насиле- ем, и взгляд преступника полон агрессии, в то время как двое справа опускают перед ним глаза. Власть в руках преступников.

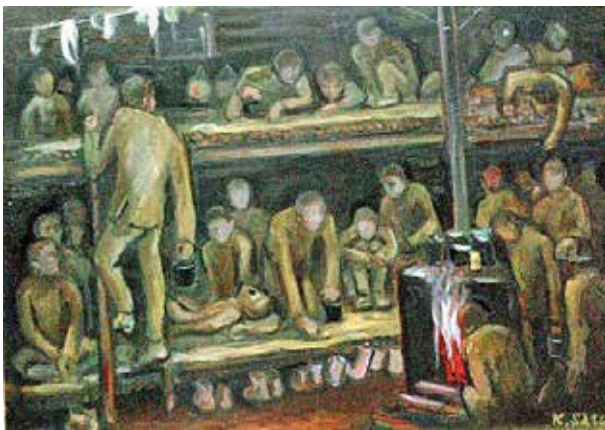
3. БАРАК, КОТЕЛОК, ЛОЖКА

Пока не были построены бараки, военнопленные жили и в палатках, и в землянках. Барак — основной тип жилища в лагере — длинное одноэтажное сооружение, построенное из самого дешевого местного материала, обычно это неотесанные бревна. Чаще всего японцы строили бараки так, как привыкли строить здания у себя на родине: каркасные, с засыпкой опилками или шлаком с опилками. Бывали бараки из бетона. Крыша двускатная, покрытая толем или двойным накатом. По всей длине проход, в котором могли стоять столы и лавки.

Справа и слева от прохода располагались двухэтажные нары, которые могли быть сплошными (тогда на человека приходится 0,8 м) или вагонными, то есть отдельно стоящими (на человека примерно 1,5 м). Барак рассчитан на количество от 64 до 120 пленных. В бараке Такэути жили 100 человек [Такэути: 38], а в бараке Такасуги — 200 [Такасуги. Ч. 4: 119]. В торцевой стене обычно рубили окно. Примерно на каждые 64 человека должна быть одна печка, изготовленная из бочки, и одна лампочка.

В то же время в директиве НКВД СССР «О создании надлежащих условий быта, питания, медобслуживания и правильного трудоустройства» бараки называются *общежитиями*, и заместитель наркома внутренних дел СССР генерал-полковник С. Круглов требует от подчиненных не только качественного оборудования жилого фонда, но и чтобы в общежитиях было чисто, уютно, тепло [Военнопленные: 231].

На рис. 10 казарма лагерной колонны лагеря № 1 [Ф. 4/п. Оп. 30я. Д. 12. Л. 7]. Взгляните на лагерный барак из альбома отзывов. Он довольно чистый, как и предполагается жилью японцев. Мы наблюдаем потуги на уют — тряпка вместо скатерти,

напольный горшок с цветком на столе — не по-японски. Как будто даже уютно. Но что-то заставляет нас не верить этому уюту. Потому что кроме чистоты, обеспеченности постельным бельем важно личное пространство, которое тотальный институт не предусматривает. Как только он наполнится людьми, что видим на картине К. Сато, мы сможем оценить, насколько он хорош для жизни (рис. 11). Взгляните на обитателей барака. Есть ли у них лица? Как будто нет, кое-кому художник нарисовал глаза, а кому-то непарный глаз, кому-то рот. Рот открыт как будто в крике. В центре картины — печка, на нее устремлены все взгляды, и мы понимаем, как холодно в этом помещении и что люди смотрят на печь в немом желании оказаться рядом с ней.

В бараке нары в два ряда, а постелью служит солома, разложенная на бревнах, здесь жили 200 япон-

ских пленных. В центре две печки. Электричества нет. Мы жгли березовую кору, воевали со вшами и клопами [Сато: сайт].

Внутри барака стены и потолки были сделаны из бревен. В комнате было душно из-за печки и людей. Бегали клопы и беспощадно кусали ослабевшее тело [Казуки: 80].

На стенах бараков были бесчисленные следы от раздавленных клопов. Внутри стоял какой-то особый запах человеческой крови, пота и грязных тел [Като: 90].

Не об этом ли писал, воображая свой лагерь, в повести «Отпуск в Дахау» Владимир Сорокин: запах, нет, з а п а х ЛАГЕРЯ, святой, родной, дорогой, лишаящий речи, разрывающий сердце [Сорокин: 805].

Самое важное для пленника место в бараке — это нары, небольшое пространство, на котором спит пленный и, если лагерь не благоустроен, проводит свободное время. Нары — настил из досок для сна, они, как правило, двухъярусные. На верхних нарах обычно теплее, но воздух там застоявшийся, полон испарений, туда нужно карабкаться вверх и спускаться вниз. Нижние нары удобнее, но внизу значительно холоднее, да и мусор сыплется с верхних нар. Если в сплошных нарах доски уложены поперечно, то, выгибаясь под поворачивающимся телом, они пружинят и бьют соседей.

На карте «Цу» (1) Ё. Уэцухара изобразил спящих пленников, у которых не только нет матрацев и простыней, они спят на досках, но и вместо подушки используют кирпичи.

Необходимой принадлежностью каждого военнопленного был котелок. Котелок у японского солдата состоял из четырех предметов: крышки, она же тарелка, прикрепленной к боковине сковородки круглой формы, емкости для супа и емкости для риса. Две последние емкости соединялись между собой проволокой. Эта модель котелка была настолько функциональной и удобной для использования, что, возможно, стала прообразом современного ланч-бокса. Встречался и упрощенный вид котелка с емкостью только для риса. Котелок помещался в стеганный чехол, который не давал содержимому котелка быстро остывать на морозе [сайт «Униформа армий»]. В такой котелок из железа и без крышки, как написал К. Такэути, помещается 2 сё [Такэути: 74].

Однако в некоторых частях пленным выдавали котелки, принятые в Красной армии. Как рассказывал К. Сато, котелок и алюминиевая ложка были единственными предметами, которые он и его соратники получили от лагерных властей, и поэтому Сато называл котелок подарком Сталина.

Почти на всех изображениях котелок пуст, что также было символом статуса: пустой котелок, пустой желудок. Но к котелку в СССР полагалась ложка, с которой японцы до этого в ежедневной практике в качестве столового прибора не встречались. Обычно в японской кухне густые блюда едят с помощью хаси, вначале лапшу, а потом допивают бульон. Многие пленные ели ложками привыкли, и немало алюминиевых ложек оказалось в Японии в качестве сувениров. В Музее «Хейва кинен» в ноябре 2015 г. можно было увидеть специальную витрину с 30 разными по форме алюминиевыми ложками, привезенными военнопленными из СССР.

Котелок был включен и в прощальный погребальный ритуал. Как вспоминал Ёсида, мы оставили на могиле пустой котелок и палочки. Молча попрощались [Ёсида: 136].

4. КАРЦЕР, ОДИНОЧЕСТВО

Самым страшным местом на территории лагеря был карцер. Как описывает его знаток ГУЛАГа Ж. Росси, как правило, это комната без окна и без отопления, в которой нет ничего, кроме параша (ведра или бака для испражнений), разумеется, без постельных принадлежностей [Росси: 148–149]. Карцер в рассказах В. Шаламова — это пытка голодом, холодом и тесным пространством, в котором часто невозможно выпрямиться во весь рост (рис. 12).

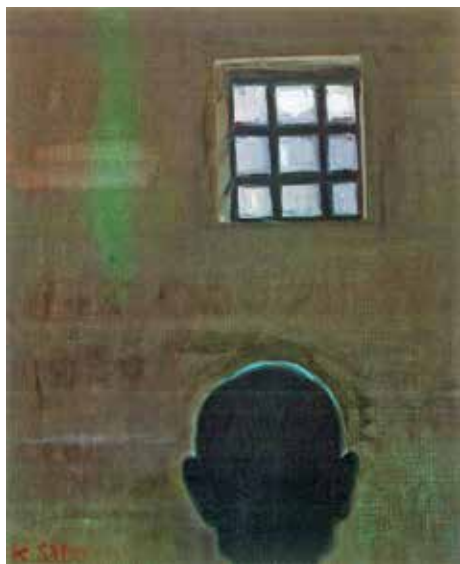
Офицер отправил меня в карцер. Там нет отопления. Температура, как на улице, –30. В этом холодильнике я столкнулся со смертью. Когда я вспоминаю это, удивляюсь, что еще жив и рисую [Хисанага: 28].

Для военнопленных немцев и японцев, содержащихся на гауптвахте, находившихся под следствием без вывода на работу, отказников от работы руководством ГУПВИ была предусмотрена норма довольствия № 10. Эта суточная норма предусматривает: хлеб из муки простого помола — 400 г, мука пшеничная 85-процентного помола — 7 г, крупа разная — 55 г, рыба — 55 г, жиры растительные — 7 г, картофель — 200 г, овощи разные — 150 г, соль и сахар — по 7 г [Военнопленные: 435]. Но, как помнят те, кто побывал в карцере, обычно еды совсем не давали или давали только урезанную пайку хлеба.

Выпустили из карцера

Голодного.

Встал в строй идущих на работу [Сато].

К. Сато нарисовал карцер. В центре полотна — голова и высоко над головой расположено решетчатое окно (рис. 13). В него невозможно заглянуть, да и стекла все промерзли. Но какая впечатляющая голова — темная, бритая, со стороны затылка.

В. Шаламов писал о карцере как месте, где «познается только своя собственная душевная и телесная крепость, определяются пределы своих возможностей, физической выносливости и моральной силы» [Шаламов: 38].

Лишение свободы, использующее механизмы надзора и наказания, действует, как писал М. Фуко, в соответствии с принципом относительной непрерывности наказания [Фуко: 442]. Одиночество, усиленное условиями карцера, было как бы концентрированным выражением лагеря, а также и сибирского пленения в целом. Это состояние, возможно, усиливалось чувством экзистенциального одиночества, свойственным художественным натурам.